

Пончо и гаучо

Приключения русского баяна в Южной Америке

Майя Крылова

Национальный балет «Криоль» приехал в Москву из Буэнос-Айреса и выступил в зале имени Чайковского (усилиями Имперского Русского балета и Московской филармонии). Концерты пройдут еще в гостинице «Космос» 9 и 10 марта, и моя рекомендация – не пропустить. И не то чтобы аргентинские танцы от индейского периода до наших дней отличались суперсовершенной техникой: приезжавшее к нам несколько лет назад аргентинское же шоу

вина XIX века. Танго, по утверждению самих аргентинцев, есть следствие разного рода ностальгий – «безудержности гаучо, одиночества солдата, тоски эмигранта». А ностальгия – чувство, близкое русскому характеру. Это одна линия, связывающая столь далекие, казалось бы, культуры России и Аргентины. Есть и другая – влияние многочисленных россиян, въехавших в пампасы после 1917 года и прививших тамошним гражданам интерес к аккордеону и баяну. Местные жители даже создали нечто по мотивам этих ин-

шая на лезгинку. Танцы северных провинций страны, где издавна приплясывали в мягкой обуви без подошвы, и движения юга, где принято много и звонко притопывать каблуками сапог. Массовый танец перикон, построенный на синкопах, с использованием белых и голубых платков (цвета национального флага). Особо эффектны мужские пляски на наружном крае вывернутой стопы – словно всадник укрощает горячую лошадь.

И представьте себе все это в цветастых пончо, или в черных

Независимая – 2009 – 5 марта, – с. 8.

Аргентинские танцовщики привезли ликбез по истории национальных танцев.

«Танго пасьон» по этой части может дать много очков вперед. Но в той труппе от молниеносных движений ног веяло ледяным бесстрастием компьютера. А в добротном танцевании «Криоль» – задушевность и теплота, которые для нашей публики и есть подлинное искусство. Бурные аплодисменты зрительного зала, заставившие танцовщиков выступить на бис, – тому подтверждение. А что было, когда разгоряченные аргентинцы начали кричать: «Вива Русия!» и «Вива Москву!»

Гвоздем программы стало, естественно, танго (в том числе и знаменитая «Кумпарсита»). Та самая пляска, что единственная из всех танцев мира имеет строго локализованное место и время рождения – портовые кабаки Буэнос-Айреса, вторая поло-

рументов, под названием «бандонеон». В музыкальном сопровождении еще участвовали совсем экзотические инструменты, вроде чахчасы, сделанного из копыт коз, или сикку – из тростника с льняными нитями. Вместе с гитарами, мандолинами и барабаном звучали мелодии, которые могли появиться только в насквозь эмигрантской Аргентине. Слышались отголоски вальса, фокстрота и нашей песенки «Где эта улица, где этот дом».

Танцовщики «Криоль» – особенно выделялся блистательный Эдуардо Тевес – демонстрировали пластические результаты встречи коренных индейцев и пришлых испанцев. Это выглядит как смесь фламенко и арагонской хоты с кадрили, временами смахиваю-

с золотом одеждах, или с почти цирковой игрой болеадорес (разновидность лассо). А вокруг вьются знойные аргентинские девушки – то в широких юбках народа, то в стильных узких платьях профессиональных тангерос. Они одинаково покорны и типам в гамашах и шляпах-канотье, и мачо в черных рубашках с набриолиненными головами, и респектабельным мужчинам в смокингах. А когда обтянутая черным чулком нога на огромной шпильке вонзается меж мужских колен, понимаешь, почему танго долгое время было запрещено танцевать добрым католикам. И понадобилось специальное разрешение Папы Римского, чтобы после 1914 года аргентинское чудо вошло в моду по всему миру.